

Свобода творчества и творческое воображение: человек во времени

Разумов Александр Евгеньевич – старший научный сотрудник. E-mail: stas-e-mail@rambler.ru
Институт философии РАН, Москва, Россия
Адрес: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

***Аннотация.** Стремление к свободе, познание и творчество человек-личность считает своей сокровенной сущностью. При этом совсем не одно и то же то, что мы о себе знаем, и то, что о себе воображаем. Мы живём во многом в воображаемых мирах, которые становятся для нас более реальными, чем их фактические прототипы. Этот феномен пытаются изучить религия, искусство и наука, делая акценты на разных моментах бытия. Самым привлекательным для ума является скрытая здесь Тайна. Воображение присутствует в любом творческом акте, и в любом из них присутствуют время и история. Время влияет на результаты многих наших сегодняшних усилий. Об этом, с точки зрения автора, свидетельствует, например, история России, где её прошлое определяет многие современные достижения и провалы.*

***Ключевые слова:** свобода, творчество, истина, воображение, время, история, закон, смыслы, культура*

***Для цитирования:** Разумов А.Е. Свобода творчества и творческое воображение: человек во времени // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 5. С. 130-140.*

*Воображение важнее, чем знание,
ибо знания ограничены, а воображение
способно охватить целый миф*

Альберт Эйнштейн

В познании и действии человек вступает в сложные отношения со свободой, творчеством и истиной. Творчество, созидание и свобода, а также стремление познать и понять истину являются тем, что «я» хотел бы считать своей неотъемлемой, сокровенной сущностью. Так мы о себе думаем и так о себе воображаем. При этом то, во что погружают нас средства воспитания и образования, то, что человек в разные времена о себе знает, и то, что о себе и мирах своего обитания воображает, – это совсем не одно и то же. К тому же разные средства познания и ориентации в мире, такие как наука, искусство и религия, делают акценты на разных моментах нашего бытия. Наука стремится понять историю человеческого рода в качестве не случайного звена и процесса в ряду универсальной мировой эволюции (веществ и энергий), тогда

как религия может вообразить человека ещё и наследником, и произведением Бога, созданным с определённой целью, для решения высоких задач свободы и творчества. Искусство, которое также охотно пользуется игрой воображения, может сочетать в себе требования науки и религии. Познание же, в том числе познание человека и его самопознание, должно учитывать все указанные обстоятельства, что автор и будет иметь в виду в своем движении по заявленной теме. При этом нам постоянно придётся иметь дело с мирами, которые создаются игрой нашего творческого воображения, ставят новые задачи, вносят дополнительные измерения и, полагая, обогащают наше существование.

Можно человека и историю изучать с целью осмыслить жизненный опыт человечества и извлечь из него некие практические уроки, но можно, сверх того, считать собственное приобщение к историческим данностям ещё и стремлением удержать неуловимое, безвозвратно уходящее время. Тогда время обретает метафизическое изме-

рение – оно наша коллективная и моя личная память, то есть воображение навсегда, казалось, ушедшего. В сущности, мы имеем дело не только с психологией, но и с метафизикой, с философскими вопросами понимания человека и истории, а философия должна не подавлять, а порождать воображение. В частности, без воображения невозможно понять ни одну из проблем времени, а между тем время имеет самое непосредственное отношение к свободе и творчеству. Творчество всегда происходит во времени, под которым здесь следует понимать влияющую на творца характерную совокупность социальных и культурных условий, политических и идеологических реалий, которые определяют «его время», его социальное время. Но не только это. Следует вообразить и как «я» существую во времени, а время пребывает во мне, то есть понять, что такое моё субъективное время [1].

«Прошлого уже нет, будущего ещё нет», – говорил ещё Аристотель об ускользающей от него реальности. Аристотель определял время, как «число движения», а значит, нужна душа, чтобы его считать. У Плотина речь идёт даже о мировой душе, и оба они говорят о космическом времени. Согласно стороннику Аристотеля Августину Блаженному «время существует только в душе»: «настоящее прошлого» (память), «настоящее настоящего» (непосредственное созерцание) и «настоящее будущего» (ожидание)» [2, с. 222]. Конечно, он предлагает нам субъективное истолкование времени, но память, созерцание и ожидания также не свободны от времён-условий, о которых шла речь выше. Августин не одинок, как мы видим, но в своём субъективизме он впервые взглянул на время через призму индивидуальной человеческой души, то есть придал человеческому времени определённое психологическое измерение. Теперь, если допустить, что во многом или в чём-то прав этот средневековый религиозный авторитет и историк и дело в нашей душе, тогда, проходя во времени, я должен постараться поместить и удержать в

себе, в своей психике, в душе, то есть в своей памяти, созерцании и ожиданиях, некую загадочную реальность. Я должен, насколько это возможно, вместить и удержать время. Только в этом случае история откроется моему знанию и воображению как источник и результат познания и действия. Меня не оставят равнодушными её войны и страсти, истины и заблуждения, явятся человеческие ценности и интересы, идеи и идеологии, а также идеалы и образцы для подражания и отторжения.

Из нашей коллективной памяти мы можем извлекать значимые картины. Нам являются образы героев и мучеников, тиранов и тираноборцев и, что самое ценное, – пророки и их заветы потомкам. Мои идейные предки соотносились с Христом. Но кроме него были ещё Моисей, Соломон, а также Будда, Шаохао, Вьяса, Вальмики-Адикави, Вишнамитра, Кун-Цзы и Лао-Цзы; вместе с Ницше мы слушаем, что говорил Заратустра... Из прошлого светятся истины пророка Мухаммеда. Все они участвуют в сотворении истории. В 800–200 столетия до н.э. «осевое время», по Карлу Ясперсу, творит мировые религии и моральные кодексы, монотеизм и веру в существование Единого Начала всего. Из протоистории вырастает история. Воображение порождает образы прошлого, настоящего, будущего. Образы приобретают идейную и эмоциональную устойчивую окраску, и для понимания движения истории (и для темы нашего разговора) важно, что воображаемый образ часто представляется более реальным, чем его фактический исторический прототип. Ушло «осевое время», настали времена для появления новых действующих лиц и новой Личности.

Однажды иудеям и мировой истории явился Спаситель. Сначала Иисус из Назарета был казнён по приговору законной власти. Затем казнённый был объявлен Богом, что, согласитесь, было немалым испытанием и задачей для творческого воображения. Триста лет спустя Константин Великий утверждает символ веры, и воображаемый

мир для верующих окончательно становится более реальным, чем та бывшая данность, из которой он произрастал. Спаситель принёс людям Евангелие. Осиянный Благой вестью Образ Спасителя принимается нами в качестве идеала и живёт собственной идеальной жизнью. Он провозглашает Истину, Любовь и Свободу, приобщает и зовёт к новой морали и высшим, общечеловеческим ценностям. Отметим, что главное, что поражает наше воображение и к чему оно устремляется, – это сопутствующая явлению и учению Христа Тайна. То, что во все времена для нашего сознания есть самое привлекательное, и то, к чему можно прикоснуться и постичь только воображением. Бог, Абсолют, Вечность, Бессмертие, Спасение, Истина. К Тайне постоянно обращается Мысль, способная свободно странствовать по временам и пространствам и выходить за пределы времён, а потому она сама есть Тайна.

К сожалению, не всё просто с Истиной, Идеалом и Тайной, которые в разные времена могут быть различным образом поняты. Христианские миры любви к врагам и молений за «обижающих вас» и «гонящих вас» в реальной истории государств и народов сталкивались со стремлением к власти и обладанию (всегда с политикой двойных стандартов, где есть свои и чужие, «эллыны» и «иудеи»). Как, например, надо было оценить церковь, продающую индульгенции, торгующую Царствием Небесным, не говоря уже о кострах инквизиции и Джордано Бруно, сожжённого за свободу мысли? Религиозное воображение, мы видим, рождает не одно только благо. «Воображение доставляет нам больше страданий, чем действительность», – учил мудрый стоик Сенека, наставник стихотворца Нерона. Но всё же идеи и идеалы задают направление движения, а воображение рисует возможную перспективу и варианты будущего.

* * *

Следует заметить, что продуктивную роль воображения можно обнаружить в

любом творческом акте. Не обязательно, на мой взгляд, полезном и радостном. Будущее зовёт не только Совершенного человека религий, но и, возможно, некие варианты искусственного интеллекта [3] со своими «ценностями» и правдой жизни. Неудивительно, что человек желает знать не только, кто он такой, но и то, чем может стать с течением времени. Надо вообразить возможные следствия имеющихся реалий и потенциалов, чтобы при необходимости скорректировать актуальность. Желательно использовать творческое воображение. В поступках мир ставит нам преграды, как полагал Гёте, но оставляет возможность быть свободным в мыслях (и в стихах). Надо суметь воспользоваться предоставленной природой свободой мысли. При этом надо помнить, что в творчестве нет последнего, окончательного итога. Словом, история и искусство оставили нам много проблем, подлежащих философскому, мировоззренческому и научному осмыслению. Продолжим о творчестве и воображении.

Человек, творческая личность в религиях, в христианстве в частности, возникает как образ и подобие Бога, поэтому для самопознания нам следует вообразить не только акт Творения, но и создать некий образ Творца. То есть надо облечь в образ нечто неохватное, Абсолютное, до конца, в полной мере для нашего ума, надо думать, непостижимое. Зато, кажется, здесь открываются возможности для свободной игры воображения. «Философ свободы» Николай Бердяев для отыскания смысла истории и истоков творчества считал необходимым переступить границы времени, проникнуть в евангельское Царство Божие – «эсхатологическую», «метаисторическую» сферу духа, свободную от объектов здешнего бытия, от необходимости, причинности, формальной логики, а затем погрузиться в «неисследимую бездну» «безначальной» свободы творчества, где человек творит в Боге и вместе с Богом [4]. Впрочем, о независимости Свободы от Бога говорит и догматическое христианство. «Господь предвидит, но не предопределяет».

Бог создал человека свободным, возложив тем самым на него ответственность за его собственные деяния.

Как видим, мысль не только не уместается в рамках космических времён и пространств – ей и в беспредельности Космоса тесно, она стремится достигнуть и посягает на Тайну Предвечного. Самое занятное, что подобные поиски свободного воображения – вовсе не игра праздных умов, а интересная форма самоиспытания, самовопрошания мысли. Мысль, таким способом следуя совету Дельфийского оракула, стремится познать самое себя, свою собственную безграничность, отмеченную ранее способность воображения странствовать по временам и пространствам и дальше.

Мы вели речь о философии религии, но и строгая наука не может совсем уклониться от соотнесения с Абсолютом и рассуждает о нём на собственном языке. Наука и воображение – это отдельная, непростая тема, и заметим, что поклонник воображения Эйнштейн, скажем, предлагал посредством «теории всего» понять «разум и замысел Бога», соединив в одной теории квантовую механику, пространство-время и тяготение. Однако ему так и не удалось обнаружить уравнения, которое могло бы в логически связной форме отобразить все известные тогда физические феномены. И в любом случае это относится только к физической реальности, а не охватывает всю полноту возможного Замысла. К тому же «физическая реальность» со времён физики Эйнштейна претерпела ряд существенных изменений. Наша Вселенная в конце ушедшего века и сегодня ещё объявляется частью Метавселенной с большим чем четыре количеством измерений (10 или 11 измерений в многомерном «гиперпространстве»). В микромире согласно «теории струн» и «суперструн» загадочные колебания порождают всё многообразие элементарных частиц и происходят на «расстояниях» меньше квантовых. (Правда, эта теория ничего не говорит о появлении пространства и времени.) И почему-то вещества

порождается больше, чем антивещества, но это привело к существованию Вселенной, а благодаря некой загадочной «согласованности универсальных констант» [5] и ещё много к чему: на планете Земля смогла появиться жизнь, а затем и автор этих правдивых заметок.

Для моей темы важно отметить, что любя, даже самая строгая наука в творчестве всегда имеет дело с воображаемыми мирами, когда оперируют идеальными сущностями, такими как «идеальный газ», «абсолютно чёрное тело» и пр. Физические теории являются плодами идеализаций и допущений, а значит, воображения. Сложности в физике не исчезают и сегодня. Классическая теория Большого взрыва столкнулась с загадками «тёмной материи» и «тёмной энергии». Загадки пока в полной мере не разгаданы, поэтому и здесь остаётся место для игры фантазии и воображения. Не произвольно-го воображения, но санкционированного и поддержанного математикой; нашей обоснованной верой в способность математики порождать новые смыслы. Верой в то, что математика способна отобразить изначальную гармонию мира. «Философия Книги Природы написана на языке математики», – утверждал Галилей ещё у истоков современного естествознания. Пока эта философия остаётся неизменной, поэтому можно поговорить об этом детальнее. Тем более что математику, случалось, сотрясали кризисы «утраты определённости», как выразился один из математиков, и она не гарантирована от подобного в дальнейшем.

Познающему субъекту необходимо понять цель познания, понять смысл собственного появления в мирах идей, веществ и энергий. Со времён появления исторического сознания этим заняты мифологии и все вырастающие из них религии, а также и другие системы знаний, включая строгую науку. Пока всё указывает на то, что если есть некий смысл появления человека, то он неотделим от поисков этого смысла. Понятно, что всякое творчество коренится и в глубине

субъективного. Смысл коренится, но «объективное» может преподнести порой весьма неприятные сюрпризы, о чём необходимо помнить, размышляя о смысле собственного явления в мире вещей и энергий. К каким последствиям могут привести отдельные инициативы и творчество в областях ядерного и термоядерного синтеза, что хорошо известно, тем не менее танцы на лезвии бритвы войны и мира и всеобщего истребления продолжают. Не убеждён, что взрыв в октябре 1961 г. отечественной «Царь-бомбы» и картина возможного конца света явились движением по космическому пути «Дао», о чём учил Лао-Цзы. Кроме того, не контролируемое знанием и моралью творчество приводило у нас к попыткам использовать ядерные взрывы в «народном хозяйстве» – при строительстве водоёмов, скажем. Были и другие примеры абсолютно неоправданных способов повышения радиационного фона, но на этом я вынужден остановиться, ибо рискуя выйти за пределы заявленной темы и войти в нечто весьма не творческое. Лучше заняться чем-то более симпатичным.

Я намерен поговорить о творческом воображении, и мысль ведёт меня в замечательные миры искусств, в миры, где растут цветы прекрасного и морального. По общему убеждению, миры гармонии и прекрасного являют весьма благоприятную почву для насаждения свободы творчества и произрастания результатов игры воображения. Здесь, конечно, появляются свои проблемы. Начнём с красоты. Иногда говорят о «красоте» научных теорий, имея в виду теорию, которая содержит минимальное число аксиом, даёт наиболее простое решение проблем, удачно использует простые математические формулы и пр. Но, разумеется, в полной мере красота – это прерогатива искусства.

«Мир спасёт красота», – был убеждён князь Мышкин Ф.М. Достоевского. «Красота – это страшная сила», – уверяла Фаина Раневская в фильме «Весна», а до неё – Семён Надсон в конце девятнадцатого века. Может быть, Николай Заболоцкий ещё и

по причине её «страшной силы» хотел разобратся в вопросе и понять:

... что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Сосуд, в котором пустота, не может вдохновить свободное творчество, зато воображение способно представить творчество в виде огня, пламенеющего в душе поэта. Поэта, конечно, а не того, кто «только рифмы плестъ умеет». Этот персонаж обретается в пустоте слов и смыслов. Выше говорилось об Образе Бога в религии, теперь обратимся к творческому началу личности в искусстве и отметим, что искусство, согласно Пастернаку, интересуется не человек, а «образ человека», который оказывается «больше человека»... «В искусстве человек смолкает и заговаривает образ... Его образ обнимает жизнь... Его истины не изобразительны, а способны к вечному развитию» [6]. Образ, во-ображение человека является основным заданием искусства. Образ совершенного человека мы поручаем создать науке (идеологии) и искусству, но, главным образом, религии. Совершенный человек – это красота совершенства и совершенного нравственного порядка. Некоторые примеры совершенных людей можно найти в начале этих заметок.

Тысячелетия украсили поиски красоты особыми цветами произведений культуры, которая во все века стремилась отыскать в Природе и в собственной душе совершенство, красоту и гармонию. Творчество стремится привнести в существование различного вида красоту. Даже определённую красоту асимметрии. Но сейчас уместно вообразить миры гармонии. Отдадим должное гармонии телодвижений (танец), вспомним гармонию красок (живопись), гармонию звуков (вплоть до «музыки сфер») и «музыку в камне», или архитектуру. Особое место занимают, конечно, литература и поэзия. Здесь творчество даёт автору и читателю возмож-

ность соприкоснуться и «прожить» в разных временах, в воображении, в дополнение к собственной ещё много неординарных жизней. Можно побывать Цезарем, Антонием и Клеопатрой, Отелло и Дездемоной, Петром Гринёвым и Капитанской дочкой. Наблюдая за игрой актёров на сцене или на экране, мы можем обливаться слезами при гибели персонажей, хотя знаем, что исполнители ролей здравствуют. Такова сила воображения в искусстве. Подобное можно отнести и к истории, если исторические события и факты полагать входящими в содержание твоей личности, а жизнь исторических персонажей считать достойной собственных сопереживаний.

Разумеется, и на реальную историю надо уметь смотреть со стороны, пытаться понять её в целом. И как «я» выгляжу в глазах другого, также следует знать. Кант настоятельно рекомендовал мне быть гражданином мира. Соглашаясь с Кантом, я хочу только подчеркнуть важность внутреннего переживания истории. На этом хочу завершить ту часть своих рассуждений о времени человека, которые так или иначе связаны с его внутренним миром. Желających дальше и глубже проникать в эти или похожие проблемы человека и времени могу отослать к труду П.П. Гайденко [7].

Не могу углубляться в любые из видов творчества, отмечу только, что в каждом из них воображение и свобода порождают новые ценности. Жизнь, конечно, остаётся большой ценностью, но сотворение красоты дополняет жизнь стремлением к совершенству. Красота возвышается над обыденностью жизни идеалом и образом (вспомним Пастернака) и делает жизнь для нас более значимой и ценной. Воображение и творчество, производя новые идеальные миры красоты и морального совершенства, так же, как и религия, особым образом организуют личность, психику. Возможно, всё-таки – красота спасёт мир!

Теперь мы подошли к главному заданию, которое адресует человеку время. Творче-

ское воображение и свобода творчества – это, прежде всего, задание «спонтанности сознания» творить новые смыслы [8], которые затем можно будет преобразовать в механизмы, новые технологии и другое полезное или найти им место в душе в качестве убеждений. Однако что я имею в виду, когда употребляю понятие «смысл»? Не углубляясь в вопросы языкознания и семантики, ограничусь философией и стану считать, что смысл – это результат движения мысли по реальным, материальным или идеальным мирам. Смысл – это то, что фиксирует внутреннее содержание мысли и задает её предметное значение. В качестве предмета, которому приписывают смыслы, может выступать мой внутренний мир или наша Вселенная в целом и далее. Мы называем «смыслом» то, что организует наше сознание. Установить смысл – значит понять суть явления, то есть исполнить главное задание сознания. Только через смыслы личность может явиться себе и другому. Скажем, чтение является примером общения автора и читателя посредством сотворения и «распаковывания» определённой системы смыслов. Пора поговорить о творчестве и смысловой природе личности, в частности о смыслах, порождаемых воображением.

Начнём с того, что то, что мы называем «культурой», является системой особым образом упорядоченных смыслов. Духовная культура, во всяком случае. Плоды материальной культуры мы употребляем, приписывая им разные культурные смыслы. Посеянное однажды зерно может стать «хлебом насущным» и подарком Бога или лечь в основу производства известного русского горячительного напитка, который довольно сложно принять в качестве «дара небес». В зависимости от смыслов, которые мы ему приписываем, этот компонент материальной культуры может найти место в религии благодарности и любви либо породить один из способов деформации жизни, ухода от свободы и ответственности. «Домострой», помнится, рекомендовал пиво. Впрочем, эту проблему я

лучше оставляю компетенции антиалкогольной пропаганды и законодательству, отметив, что мы, похоже, забрались на территорию русских национальных смыслов, а здесь и без столетий пьянства можно обнаружить много интересного для критического анализа. Думаю, читатель согласится с тем, что критический анализ необходим, а любовь к Отечеству состоит не в том, чтобы только воздавать (заслуженные) хвалы деяниям предков, но ещё и в том, чтобы видеть и реагировать на их слабости. Тем более что там, в том ушедшем уже времени, можно обнаружить истоки многих современных пороков. Кроме великой культуры и героических деяний в моей истории было много лишней крови и пепла.

Предлагаю вспомнить о некоторых не слишком полезных чертах моего национального характера и о смыслах, которые не лучшим образом управляют поведением народа и его властителей. Нам придётся, похоже, проникнуть в сомнительные глубины политического творчества. Или сотворчества народа и власти, если поверить маркизу Астольфу де Кюстину: «Каждый народ имеет то правительство, которого он достоин». Хочу показать читателю, что следствием критического анализа явятся выводы, относящиеся к близким мне темам творчества и воображения. Итак.

«В России воруют», – утверждал классик отечественной исторической мысли и мог бы повторить эти слова сегодня. Установлено, что в моей России воровали министр обороны и министр экономического развития. Не стану называть фигурантов уголовных дел из числа губернаторов и законодателей. (Замечу, к слову, что воры и казнокрады почему-то не переводятся даже после применения политической властью решительных, радикальных мер вроде переименования коррумпированной милиции в неподкупную полицию или «амнистий» сбежавшего из страны капитала.) Может быть, народ и власть веками хранят некую традицию, укоренённую в моём национальном сознании? Хранят и толкуют, каждый сообразно собственным

интересам. Власть в эксплуатации народных масс видела источник собственной силы и залог процветания государства. В народе не считалось большим грехом украсть у государства вплоть до «экспроприации экспроприаторов» и оценки действий Кобы (тов. И.В. Сталина). Словом, от предков в моё время тянется неуважение к закону, убеждение, что более справедливо и лучше, если живешь «не по закону, а по совести», а то и «по понятиям». Привет от россиян Вавилону и славному законодателю Хаммурапи! Хорошо бы понять причины и взглянуть на истоки этого национального феномена.

Мой народ и власть редко жили сообразно Закону. Чтобы не погружаться глубоко в историю, вспомним, что на самом вершине власти не всякий из Романовых умирал своей смертью. Некоторые из них уходили из жизни в результате дворцовых переворотов, от рук родственников и сподвижников. Не по закону это! На силу ориентировался Николай Палкин и многие другие. Полководец Суворов полагал уместным учить солдат «палочками». «Мы – русские, какой восторг!» – восхищался Генералиссимус. Нижний народ на насилие отвечал собственным насилием, разбойными бунтами атаманов Разина и Пугачёва, Кудеяра или Чуркина. Их стремление к свободе и воле находило понимание нижнего народа. Все они прославлены в народных сказаниях, легендах и мифах, в стихах и песнопениях. Конечно, это дела былые, приметы, казалось бы, иного времени. Но важно, что следы былого можно, например, усмотреть в том, с каким равнодушием или даже с одобрением был встречен в 1993 г. расстрел тогдашнего «парламента» Президентом РФ Ельциным. Равнодушие к анонимному закону и вера в благодать адресной силы тянется от наших предков и ныне представлена, полагаю, в русском национальном «коллективном бессознательном».

Не стоит обвинять предков, считая их основной причиной собственных пороков, но надо и хочется подчеркнуть, что мы – произведения одной, общей истории, со всеми

её взлётами и провалами. К числу последних следует отнести то, что российская история порождала деспотии, тиранов и поклонение тиранам. Иван Грозный, Петр Великий, вождь народов Сталин. При них государству дозволялось любое насилие над подданными, а они прощали государству любые жертвы за победы и новые территории. Жизнь рядового человека не имела самостоятельной ценности, из людей старались выдавить чувство собственного достоинства, хотя удавалось это не всегда, и достоинство, как свидетельствуют очевидцы, сохраняли даже многие жители «Архипелага ГУЛАГ». В народе не исчезало стремление к свободе и воле, он продолжал движение по дорогам собственной весьма противоречивой истории. Дмитрий Сергеевич Лихачёв сожалел о том, что «страна, создавшая одну из самых универсальных культур... явилась одной из самых жестоких национальных угнетательниц, и прежде всего своего собственного, центрального народа – русского, [это] составляет один из самых трагических парадоксов в истории, в значительной мере оказавшейся результатом извечного противостояния народа и государства, поляризованности русского характера с его одновременным стремлением к свободе и власти» [9, с. 197]. Теперь о том, зачем автор затеял эти воспоминания о прошлом России.

Затем, чтобы понять истоки и определить-ся на территории собственных национальных смыслов. Задача в том, чтобы предположить возможные варианты движений личности и государства, сообразить, куда меня направляет (не существующая) «стрела времени». Кроме всего прочего, для понимания следует учесть сформированные историей предков особенности национального характера русских. В истории России можно наблюдать примеры величайшей святости, укрепление православия и десятилетия преследования за веру и гонений на церковь. Наш человек – любитель крайностей, он способен на увлечение ими даже в массовых проявлениях. Конечно, существуют «крайности», когда человек отдаёт жизнь за «други своя» или за Родину, не

об этом идёт речь. Речь о том, что в жизни и в народном мнении (не в оценках историков и истории!) сторонники чрезвычайных мер и радикальных решений всегда побеждали умеренных реформаторов. Согласитесь, что названные черты национального характера влияют на наши оценки и должны быть учтены при анализе пройденного пути, его результатов и перспектив дальнейшего движения по дорогам рукотворной судьбы.

Чтобы понять себя, мы смотримся в зеркало истории. Как и любой другой народ, мы, конечно, любим прихорашиваться перед зеркалом. Вспоминаю, что в одном из посланий (2016 г.) Президента РФ Федеральному собранию было отмечено, что «мы единый народ, и Россия у нас одна». С Президентом я не согласен, но принимаю этот тезис и попробую объяснить. Сначала – почему не согласен. Не думаю, что существует некое единство между мной и российским олигархом, скажем. У нас даже территория проживания разная, не говоря уже об огромном имущественном разрыве. У нас разные цели и ценности, разный смысл жизни. И Россия у нас разная. Дело, конечно, не только в олигархах, а в том, что слишком много в нашем общежитии явных и скрытых противостояний, чреватых конфликтами, и никто ещё не отменил эксплуатации, ленинской классовой борьбы и классовых интересов. Во времена «лихих девяностых» много социальных несуразностей соорудила власть. Теперь о том, почему хочу принять тезис Президента о народном единстве.

В конце концов, никто не запрещает мечтать. Говоря о единстве, мы перед упомянутым зеркалом истории наносим макияж на лицо России, украшаем её образ в собственных глазах. В глазах «наших партнёров» по глобализму образ России никогда привлекательным не был – её, как известно, больше любили собственная армия и флот. Тем более важно, как мы выглядим в свете самопознания, кем мы являемся для самих себя и кем думаем стать в перспективе. О чём нам толкует, во что предлагает поверить власть и её

идеология. Они рекомендуют мне опереться на мечту и подключить воображение. Тогда мы станем производить более двух процентов мирового ВВП. Мы должны увидеть себя живущими в обществе, где все едины и равны перед Законом, где народ уважает законодателей, где парламент – не только машина для голосования, принимающая законы, созревшие в глубине Кремля или Белого дома. Мне предлагают увидеть, что при нашей системе и практике разделения властей судебная власть служит только Закону, а правосудие и справедливость – это для нас синонимы. У нас развитое гражданское общество, где «человек политический» чувствует себя весьма комфортно. У нас замечательная Конституция, и мы не меняем её под каждого правителя, а живем по Основному закону. Конечно, во многом это фантазии, но время и история не запрещают их эволюцию из идеальных конструкций в факторы нашего общежития. Я готов признать полезными идеологические фантазии, если отделить зерно от плевел, полные иллюзии от возможных реалий. Если это проделать, тогда наша мечта может светить нам в качестве идеала и направлять личность на самосовершенствование, а её творчество – на создание чего-то отличного и более возвышенного, чем нынешняя социальная реальность. Примем, что «единство народа» – это не внешняя, объективная реальность, это – «нас возвышающий обман», но он существует в наших душах как ожидание, как «настоящее будущего». И ещё раз отмечу, что движение истории часто направляет воображаемый образ, при том что молчит его фактический прототип.

Конечно, оценивающему историю методологу и философу никогда не стоит упускать из виду реальность, она должна постоянно напоминать о себе и его контролировать. Иначе мы рискуем провалиться в идеологическую пустоту беспочвенных фантазий, как это случалось не только в советское время. Но и фантазии о себе с порога отвергать не следует. Они порождают ожидания и действия. Автор вспоминал о прошлом своего

народа, то есть о своём прошлом, настаивая, что им можно гордиться далеко не всегда. Но всегда, как отмечалось, наши предки старались облагородить собственную историческую физиономию, и всегда оставалась надежда на перемены к лучшему. Отчасти поэтому держава не сгнула в глубине столетий, во временах, к России далеко не ласковых, драматических и трагических.

Сегодня Россия и населяющие её народы живут в меняющемся мире, и его становление далеко не закончено. Возникают новые центры силы и ослабевают старые. Видны подвижки в глобальной экономике, финансах, в глобальной политике и глобальном сознании. В этих условиях считаю вполне оправданными те мировые амбиции, о которых толкует Президент Путин, а именно, о возрастании роли России в мировой политике и превращении её из региональной в глобальную силу влияния. Объективные основания для этого имеются, как существуют и силы противодействия, поэтому страну ждут на этом пути серьёзные испытания, нам надо быть к ним готовыми. Думаю, что мы готовы, и поясню, что имеется в виду. Отмечу, что проблемы выбора экономических и политических стратегий являются предметом отдельного обсуждения, и специалисты должны думать о том, как обеспечить темпы развития экономики выше мировых (в условиях колебаний цен на нефть, нестабильного курса рубля и пр.). Я же хочу остановить внимание читателя на субъективном и внутреннем, на том, что «я» по этому поводу переживаю и думаю, как человек своего времени. Так вот, за последний десяток лет я и мне подобные стали обретать утраченное было чувство государственного достоинства. Оно исчезло после бесславного развала сверхдержавы, долгих лет внешнего управления и под руководством тех, при ком она развалилась. Сегодня я готов следовать линии Президента и способствовать возвращению России её бывшего политического влияния.

* * *

Возвратимся к человеку во времени. Время самый большой демократ, оно без возврата, навсегда уносит всё однажды рождённое, хотя далеко не всё позволяет. Время несёт с собой трагизм нашего существования. Автор подошёл к завершающей части своего повествования и готов подвести некоторые итоги вышесказанному, намерен в заключение ещё раз отнестись к свободе и трагизму человеческого бытия, к воображению и творчеству.

Существование человека трагично. Трудно уходить самому, тяжело терять родных и близких. Трагизм творчества можно обнаружить у самых истоков европейской культуры. Если мы готовы её начало связывать с Афинами или Иерусалимом, то трагизм бытия и творчества являют нам распятый Христос и выпивший цикуту Сократ. Западная культура уходит корнями в трагизм. Трагедии Эсхила или Софокла родили мировоззрение и подражателей. Греция родила трагедию как жанр драматургии. Нельзя поэтому видеть в трагизме только унижение человека Судьбой или Роком. Трагедия порождает творчество, то есть свободу и выход за границы стандартов и однообразия. Трагедия, творчество и воображение породили религии и мораль, они породили личность. В конечном счёте, в истории личность является созданием трагедии. Правда, я веду речь о личности европейского, более того, о личности христианского типа, но она несёт в себе общечеловеческие ценности и мировой авторитет. Если же иметь в виду человека как представителя рода, то любой потомок Адама и Евы имеет космическое происхождение и восходит к значениям мировых констант.

Трагедия существования также имеет космическое происхождение, она из глубины космоса и времени. Вместе с человеком уходит и полнота его космоса. Говорят, что явление познающего человека и истины есть момент самопознания нашей Вселенной. Или один из многих моментов, если верить «героическо-

му энтузиазму» Джордано Бруно. Во всяком случае, познающее «я» должно представить Космос в человеческих понятиях и смыслах, сообразно антропному принципу. Похоже, что трагедия существования включает столь привлекательную для человеческого ума Тайну. И, кажется, поиски Истины, если она существует, должны быть обращены к смыслам, которые определяют вероятности. Здесь вступают в силу вера, игра воображения, фантазии, гипотезы и, конечно, творчество, где наука соревнуется с религией. В лучшем случае нам известна только часть Истины, для дальнейшего движения к её полноте нужны новые, дополнительные усилия. Чтобы совсем завершить работу, сошлюсь на классика:

«Верь тому, кто ищет истину, и не доверяй тому, кто говорит, что её нашел», – предостерегал Платон. Предлагаю читателям мне поверить.

Литература

1. Разумов А. Я в истории – история во мне // Высшее образование в России. 2007. № 10. С. 150–160.
2. Августин Аврелий. Исповедь. М.: Канон +, 2005. 546 с.
3. Митио Каку. Будущее разума. М.: Сбербанк: Альпина нон-фикшн, 2015. 455 с.
4. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
5. Эрвин Ласло. Теория целостности Вселенной. Наука и поле акаши. СПб.: ИГ «Весь», 2011. 160 с.
6. Пастернак Б. Охранная грамота. М., 2010. 320 с.
7. Гайденко П.П. Время, длительность, вечность. Проблема времени в современной философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.
8. Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989. 288 с.; Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 488 с.
9. Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2006. 416 с.

Статья поступила в редакцию 17.02.18

Принята к публикации 10.04.18

Freedom of Creativity and Creative Imagination. Man and His Time

Alexander E. Razumov - Senior researcher, e-mail: stas-e-mail@rambler.ru

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Address: 12, Goncharnaya str., bldg. 1, Moscow, 109240, Russian Federation

Abstract. Man as a creative personality desires for freedom as well as cognition and creative work as his essence. It should be noted, however, that what we know about ourselves and how we see ourselves are far from being the same thing. We live to a large extent in imaginary worlds, and they appear to us more actual than their real-life prototypes. Religion, art and science try to tackle this problem, and in each case an attention is being focused, respectively, on a different aspect of being. What is the most attractive for mind here is Mystery underlying this phenomenon. Imagination is inherent in every creative act, and in any such act do Time and History attend. Time effects on the outcomes of our efforts today. This, in the author's view, is obviously demonstrated by the history of Russia, where its numerous present-day achievements and failures are determined by its past.

Keywords: freedom, creativity, truth, imagination, time, history, law, meanings, culture

Cite as: Razumov, A.E. (2018). [Freedom of Creativity and Creative Imagination. Man and His Time]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. Vol. 27. No. 5, pp. 130-140. (In Russ., abstract in Eng.)

References

1. Razumov, A. (2007). [I am in the History and the History is in Me]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 10, pp. 150-160. (In Russ.)
2. Augustine (2005). *Ispoved* [Confessions]. Moscow: Kanon+ Publ., 2005. 546 p. (In Russ.)
3. Kaku, Michio (2015). *Budushee razuma* [The Future of the Mind: The Scientific Quest to Understand, Enhance, and Empower the Mind]. Transl. from Eng. Moscow: Sberbank: Alpina Non-fiction Publ. 455 p.
4. Berdyaev, N.A. (1989). *Filosofiya svobodyi. Smyisl tvorchestva*. Moscow: Pravda Publ. 608 p.
5. Laszlo, Ervin (2011). *Teoriya tselostnosti Vseleynoy. Nauka i pole Akashi* [Science and the Akashic Field: An Integral Theory of Everything]. Transl. from Eng. St. Petersburg: IG "Ves" Publ. 160 p.
6. Pasternak, B. (2010). *Obrannaya gramota*. Moscow, 2010. 320 p.
7. Gaydenko, P.P. (2006). *Vremya, dlitelnost, vechnost. Problema vremeni v sovremennoy filosofii i nauke*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2006. 464 p.
8. Nalimov, V.V. (1989). *Spontannost soznaniya: Veroyatnostnaya teoriya smyslov i smyslovaya arkhitektonika lichnosti*. Moscow: Prometei Publ., 1989. 288 p.; Leont'yev, D.A. (2003). *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi realnosti*. Moscow: Smysl Publ. 488 p.
9. Likhachev, D.S. (2006). *Izbrannyye trudyi po russkoy i mirovoy kulture*. St. Petersburg, 2006. 416 p.

The paper was submitted 17.02.18

Accepted for publication 10.04.18